

Валерий Дементьев

Поэты Севера

С русским Севером, с древней землей Заболоцкой связаны неразрывными творческими узами многие талантливые современные поэты и прозаики. Иные из них живут в Москве и Ленинграде, иные то-прежнему в родной Вологде, но как бы они ни отличались друг от друга по возрасту и по характеру художественного дарования, всех их объединяет глубокая любовь к родному краю.

Босиком по земле

страна березового ситца не заманит шляться босиком», — с вызовом, болью однажды бросил строку Сергей Есенин. Бросил ее как бы ненароком, случайно, а вложил в строку многое — и затаенную грусть о быстротечном времени, и безнадежность попыток как-то возродиться, воскреснуть заново, обрести простодушную радость бытия, без которой мучительно-трудно жить современному человеку.

Не знаю, думал ли об этой есенинской строчке Александр Яшин, называя новую книгу «Босиком по земле». Скорее всего не думал, не полагал, что как-то вступает в полемику с Есениным, но уж если так получилось, то именно это название, а точнее — полустишие из одноименного стихотворения выразило главную идею книги:

Бродить по сырой земле босиком —
Это большое счастье!

Желание отрешиться от повседневной суеты, скинуть надоевшую обувь, босиком пройтись по лесным тропам, по мягким полевым дорогам — у кого не возникало такого желания! Чтобы вкусить подобное счастье, немного надо: поехать за город, и пусть, как говорит поэт, «все лишние биотики берет из тебя земля». Сложнее дело с другим — основным смыслом образа. Здесь одним библейским посохом не обойдешься, — ведь речь идет о полном обновлении человека, о его жажде нравственного самосовершенствования, о его стремлении вплотную приблизиться к матери-природе, «обрести птичье зрение, недоступное людям». Поэта неудержимо тянет на Бобришний угор, в блудновские леса вовсе не по его собственной прихоти: где-то там, вдали от Бобришного угора и блудновских лесов, ему трудно живется, его измучили вечные, «проклятые» вопросы, сомнения растворяют его душу:

То сердце живет с умом не в ладу.
То чувства не знают меры...

Поэт неохотно обнажает свои боли и рассказывает о своих бедах. Только иногда, словно сквозь стиснутые зубы, прорвется признание: «Трудно живу, молча живу, молчу до ожесточенья». Ему тягостно воротить прошлое, пережитое. Это прошлое, нездешнее, надо отсечь разом, как отсекает лесник сухую, омертвевшую ветвь. По крайней мере, А. Яшин пытается сделать это в своей книге — отсечь какую-то другую жизнь, не похожую на беспечное, вольготное бытие в блудновских лесах. Вначале ему как будто бы удается это сделать. Сумятица буден забыта, душа и глаза — настежь. Живительные силы вливаются в поэта, когда он приезжает на родину. Он чувствует себя человеком, выздоравливающим после долгой болезни.

Вот этому обновлению не только зрения и слуха, но и всей душевной организации художника и посвящена большая часть книги «Босиком по земле». В который раз поэт потрясен, зачарован девственной красотой Севера. Как древний солнцепоклонник, А. Яшин славит чудо восхода; ему кажется, что всё в лесу поклоняется солнцу, что урыжей волнушки «пушистая юбочка с оборками» стала походить на «солнечные протуберанцы», что даже старый глухарь, распустив хвост, пытается выдать себя за «восходящее светило». Не меньший душевный трепет, не меньшее языческое благоговение вызывает в поэте сказка зимнего леса: «И я, сам бог и царь природы, вхожу под это чудо-своды почти испуганный, немой».

Поэт смело идет на преувеличения, его кисть приобретает былинный размах и красочность. Здесь, говорит он,

Нежоженными кажутся леса,
Бездонными — озерные затоны,
Неслыжными — птичий голоса.
Невиданными — каменные склоны.

Это «полусказочное ощущение Севера» было замечено К. Симоновым в одном из первых сборников Александра Яшина — в «Северянке». Казалось бы, ничего не изменилось за двадцать пять лет — родная северная сторона, маята и мечта поэта, пытала и питает его творческие замыслы. Ведь замечает же он, что здесь, на Вологодчине, «снова верится и чудится, что жизнь идет не стороною», ведь кланяется он земным поклоном деревеньке Блудново за то, что здесь он начал писать, «а это — хлеб для души».

Сколько было написано стихов в нашей

поэзии о березке, о белоствольном диве русских лесов! Однако Александр Яшин нашел свои слова, по-своему увидел эту песенную березку. Начал он стихотворение «Про березку» со спора с расхожим представлением о ее царственном виде, о ее заносчивом характере. Поэт видел березку

Не кудрявой
И не золотистой,
Не расхожей — оторви да брось,
А совсем беспомощной,
Без листьев,
Голенькой
И вымокшей насквозь.

Видывал и в грозы, и в бураны,
При ночных огнях
И на заре.
Знаю все рубцы ее и раны,
Все изъяны ее коре.
И люблю любовью настоящей
Всю, как есть,
От макушки до пят.

Поэт замолкает, как бы про себя повторяет написанное, — и веско заключает:

О такой любви непреходящей
Громко на миру не говорят.

Чудесна эта лирическая миниатюра, но она могла возникнуть и двадцать пять лет назад; в ней, как говорится, нет тех отмечин, которые оставило в душе поэта время. Однако в целом о сборнике А. Яшина этого никак не скажешь. Не скажешь хотя бы потому, что в книге имеется еще одно стихотворение про березку, перекликающееся с первым, но преисполненное не светлой любви и тихой озаренности, а обиды и горечи: березка не выдержала жизненной борьбы, погибла.

Над увядшей ее листвою,
Будто волны мертвой воды.
Равнодушно сомкнулась хвоя,
Не почувяв чужой беды.

Вот почему, читая стихи о Бобришном угоре, о зеленом царстве покоя, с самого начала настораживает настойчивость, с которой поэт пишет о своем счастье, настораживает рассудочность, некая непререкаемость его советов: стоит прикоснуться к тайное-тайных природы, как, по его убеждению, «добру откроется сердце и будет совесть чиста», как человек испытает ни с чем не сравнимое обновление, освобождение от горьких сомнений и тягостных вопросов. Не кто иной, как сам поэт, противоречит этим советам, этим надеждам. Если в первых книгах он принимал мир таким, каким этот мир был, — ясным, возбуждающе-радостным, тронутым дымкой сказочной фантастики, если в природе поэт че искал

ни забвения, ни утешения, если он не мучился тоской о скромной, тихой, непрятательной жизни, то теперь перед лицом могущественной природы он испытывает одно стремление, одно желание:

Мне, сильному, только добрей и проще
И человечней хочется быть.

Он пытается вылечить душу «пустыней и отколом», он идет даже на большее — пытается «от чужих отмахнуться забот, ни за что не болеть». Но эти попытки заведомо обречены на неудачу: и от забот он не может отмахнуться, и болеет он по-прежнему многими болями и бедами, доступными людям. Его стихи свидетельствуют о том, как кратко было вновь обретенное счастье, как призрачна мечта бродить «бережком, не с ружьем — с батожком» странником, ясновидцем. Отдаленные раскаты душевных гроз даже эти идиллические стихи освещают тревожным, багряным светом. Я имею в виду прежде всего любовную лирику Александра Яшина. Его рассуждения о счастье малом и простом прерываются неотступными, мучительными вопросами: «Как обо всем об этом сказать? Что не скажу — солгу»; прерываются невольными вздохами: «Нет, не просто на свете жить»; прерываются, наконец, печальными заметами сердца: «Ночь надвигается, словно страстность, а я не усну...».

Так рушится, словно береговой занос, сильный, но краткий душевный подъем, который был испытан А. Яшиным вначале. Его «Спас-камень», его Блудново не дало ему прочного и безмятежного существования. Да и сам он в одном из стихотворений замечает, что ему тягостно душевное равновесие. С предельной искренностью Александр Яшин оценил свои безнадежные попытки забиться, нет, не в башню из слоновой кости, а в простую охотничью избушку, в Бобришную пустынь:

Меня мужики называют
своим поэтом.
«Как же так?»
«Ладно ли?» —
пишут мне горькие письма.
Что я могу землякам ответить на это?
Я сочиняю стихи.
Про желтые листья...

Когда встречаешь такое чистосердечное признание, начинаешь верить, что все-таки удалось поэту пройти босиком по родной стороне, что и этот желтый листопад в его поэзии не был бесполезен, что родной Се-

вер одарил его всем, чем мог, — и теперь лишь от доброго желания поэта зависит выбор им новых путей-дорог.

А за лесом — что?

Истинная поэзия всегда бóльше, чем короткие или длинные строчки, оперенные, как говорил Пушкин, рифмой. По-разному пытались определить это чудесное свойство поэтического слова поэты и эстетики: сколько времени существует поэзия — столько было у нее и определений. Одни считали, что поэзия тем и прекрасна, что она отнимает аромат у живого цветка, что она называет по имени все существующее в природе и в жизни человека, что у нее есть своя «бездонная глубина», своя «беспрецедентность»; другие, что поэтическое слово имеет некое «магнитное поле», или, в соответствии с новейшими теориями, оно обладает своей «радиацией». Но в конце концов все эти определения были верны, но не полны, они не удовлетворяли ни читателей, ни критиков, ни самих поэтов и довольно быстро забывались. А поэзия «существует, и ни в зуб ногой», она продолжает волновать людские сердца даже тогда, когда поэтические строчки нанесены на ветхий папирус или на покривевшую от времени новгородскую бересту.

Вот почему бывает трудно объяснить самому себе (не говоря уже о других), что же такое поэзия, чем поэт отличается от стихотворца, художник от ремесленника, талант от заурядности. Ты это чувствуешь, но слов для выражения своих чувств найти не можешь.

Подобное затруднение я испытал, прочитав «огоньковский» сборник Ольги Фокиной «А за лесом — что?».

Ну чем же, думал я, подкупила меня эта тоненькая книжица? Почему я сразу же, с первых же строк, с такой охотой, с таким желанием погрузился в мир образов и ритмов, созданных молодой поэтессой, безоговорочно принял этот мир за свой внутренний мир, ее краски, ее душевные богатства — за собственные краски и богатства.

Только ли дело в том, что Ольга Фокина родилась на Севере, в Верхне-Тоемском районе, что «родная кровь» сказа-

лась, помогла единению душ, над которым не властны ни время, ни расстояния, ни особенности житейского и литературного опыта?

Давно запали мне в память две строчки из стихотворения о том, как деревенская девушка уезжала в Москву учиться и как старуха мать наставляла ее перед дальней дорогой:

Но, за весла садясь, я махнула без слов,
И навстречу лучам заплескалось весло.

Сколько бы раз я ни перечитывал эти стихи, — в глубине моего сознания каждый раз всплывала одна и та же картина: на тяжелые весла ложатся загрубевшие от работы руки девушки, и лодка нехотя, медленно начинает пересекать реку против течения. Таких образных ассоциаций другие поэты во мне не вызывали, хотя подобные по сюжету стихи можно найти в каждом втором сборнике молодого лирика. Значит, нашла здесь Ольга Фокина что-то важное, характерное для жизни северян, в немногом сумела сказать многое.

Однажды поверив, я пошел вслед за ней «по непролазным горестям любви», пошел в избянью, потрясенную великой войной страну ее детства, стал радоваться ее радостями, обижаться ее обидами. Да и как мне было не обидеться, если не известный мне человек, но близкий и дорогой лирической геройне, а следовательно, чем-то необходимый и мне самому, не понял очарования северных речек, не принял неброской, «без говорильни показной», красоты озимых полей. Разговор об этой самой неброской северной красоте стал общим местом во многих наших статьях и поэтических сборниках. Ольга Фокина, обладая обостренным чувством жизненной правды, социально обосновала его, придала ему гражданскую страсть:

Воспоминанья хороня,
Мы мало в памяти оставили,
Но луг от смерти спас меня
Своим и клевером, и щавелем...

В дни голодного военного детства северные леса и луга действительно стали для поэтессы второй матерью. Не случайно в одном из стихотворений Ольга Фокина навсегда и трогательно называет северную природу «природой мамой». Следуя правде жизни, она обновила эту «вечную» тему, придала ей совершенно новое звучание. Вот почему понятен и перелом в настроении

поэтессы: вместо обиды в ней закипает гордость.

Насильно милые — жалки,
Насильно в милые не просимся,
Но я — дитя моей реки,
Озиминка из этой озимы, —

сказано спокойно, с тем чувством внутреннего достоинства, которое испокон веков отличало русских женщин, определяло их величавый славянский склад души.

Конечно, есть в сборнике О. Фокиной следы литературной учебы, следы семинарской прилежности, но не они, не эти следы и не эти отзвуки, создают общий настрой книги. Определяет его смелость Ольги Фокиной, властно взявшей меня за руку и позвавшей за леса, за тихие реки, в край, о котором так проникновенно написано заглавное стихотворение:

Под ветром — полей колыханье..
Меня не иши — не найдешь:
Мне шепчет свое «до свиданья»
Еще не созревшая рожь.
Мой брат ее осенью сеял,
Сестра боронила весной,
И мамин платок закраснеет
Над спелой ее желтизной...

Я обрываю стихотворную цитату, надеясь, что читатели найдут и дочитают это стихотворение до конца. Обрываю, чтобы высказать начатую фразу: поэзия — это смелость, это решимость позвать меня, тебя, всех нас за собою и не обмануть нас в наших ожиданиях, открыть нам красоту земную и красоту душевную в новых, не ведомых нам прежде сверкающих гранях. А если так, то значит перед нами истинная поэзия и автор стихов — истинный поэт.

Новая встреча

Стихи Александра Романова я читала, как дневник товарища студенческих лет, с которым мы давным-давно не виделись, не говорили по душам, но о котором мне хочется узнать все: чем он живет, что он видит в родных местах и чем заняты теперь его ум и сердце. Прошли годы, и, как часто это бывает со старыми друзьями, встреча приносит немало неожиданностей: замечаешь не только прежнюю доверчивость, прежнее добросердечие, особую чуткость к настроению других, но и грустноватую складку в уголках улыбчивых губ, напряженность мысли в глазах, когда-то полных беспечности и молодого задора.

Что ж, сам поэт хорошо сказал об этой перемене:

Уже теперь мы сами —
Подумай, друг, сочти —
С погибшими отцами
Ровесники почти.

Да, с погибшими отцами ровесники почтит... Не выдуманное, значительное, пережитое стоит за этой строфой. Естественна эта мысль, бродившая во мне; но не высказанная мною. А ведь настоящая лирика и открывает мне, читателю, то, о чем я смутно догадывался, но вот не нашелся сказать. Этой сокровенностью, этим добрым лирическим даром и наделен щедро поэт Александр Романов.

Из мимолетного, трудно уловимого, он высекает стихотворение, да так, что, кажется, будь ты во сто крат опытнее и талантливее, — иначе не напишешь, не сочинишь.

Сколько раз я приходил на Ярославский вокзал — то встречать приезжих, то провожать гостей — и столько раз здесь, на перроне, слышал знакомую окающую скороговорку.

Как услышу я знакомый говорок:
«Наша Вологда — хороший городок!» —
Словно ветерком обдувает сердце,
Теплым, чистым, хвойным ветерком,
И от грусти никуда не деться:
Жалко расставаться с земляком.

Стихотворение «Вологда моя» началось просто, как проста речь задушевного друга, и закончилось оно таким же простым и естественным образом: Вологда видится поэту молодой, светлокосой, «с искоркой снежинкой на щеке!».

Правда, иногда беглые впечатления поэта остаются беглыми впечатлениями, «зерно» поэтического замысла не дает всходов, не прорастает в мысль-метафору, но гораздо чаще в его произведениях я ощущаю биение этой образной, поэтической мысли, слышу его ровное дыхание, вижу то, что он хочет мне показать.

Кто жил в селе, тот знает,
Легко понять без слов
Характеры хозяев
По облику домов...

И дальше даются меткие характеристики как деревенских изб, так и самих хозяев. Иной бы на этом и закончил стихотворение, но А. Романову такой зарисовки мало. Ему хочется сказать о большем, сказать, не впадая в «казенный» пафос, в напыщенный тон, по-дружески объяснить, почему им легко «прочитываются» эти простые северные избы, почему доверчиво открываютя в

разговоре их хозяева. Да потому что, говорит поэт,

Я с малых лет к деревне
Любовь свою несу
За мудрое терпенье,
За строгую красу.

И невозможно усомниться в искренности этих слов, и невозможно не поверить поэту.

У каждого или почти у каждого художника есть свое излюбленное время года. Таким излюбленным временем года А. Романова является вологодская зима. Он мастерски изображает заснеженные леса, тихие зимние полустанки, колеистые дороги, он воспроизводит в стихах, как на дальней лесосеке вначале медленно, затем все быстрее, все стремительнее падает косматая, величественная ель, как зазывно, приветливо светятся огоньки деревень. Это пристрастие к зимнему пейзажу, мне думается, определено сущностью лирического дарования А. Романова: когда, как не в январские морозы, уютно чувствуешь себя в теплой горнице, где еще могут возникнуть заполночные беседы о житье-бытье?

...Если сам ты откровенный,
Немолчаливый и простой,
Хозяин дома непременно
Поговорит как друг с тобой.

Здесь дана сдержанная и верная автохарактеристика. Эти качества привлекательны не только в личности самого поэта, они согревают и его лирические раздумья, они придают его стихам ту задушевность, без которой холодно и неуютно жить на свете. Вот почему я нетерпеливо ожидаю новую встречу с Александром Романовым, — я знаю, что эта встреча будет отрадна и памятна для меня.

Страда поэта

Мегра — в переводе на русский язык означает барсуки, место охоты на барсуков. Это память тех отдаленных времен, когда на Севере еще до прихода новгородцев жили угро-финские племена. В селе Мегра, на берегу Белого озера, родился поэт Сергей Викулов. Ныне Мегры не существует; село оказалось в зоне строительства Волго-Балта, и теперь только стены бывшей сельской амбулатории — родительского дома поэта — торчат над озерной гладью.

Детство С. Викулова прошло среди белозеров — рыбаков, охотников, пахарей. Од-

носельчане его жили на воде и жили водою. До ближайшего райцентра — по каналу, до соседей — по реке Мегре, до покосов — по озеру. А когда начиналась путина, казалось, вся округа садилась за весла, и в избах долго не выветривался сладковатый, приторный запах знаменитого белозерского снетка. Лов снетка — это рыбачий сенокос, и принимали в нем участие все, от мала до велика.

Перед войной Сергей Викулов впервые напечатал несколько стихотворений в газете «Белозерский колхозник». Он заканчивал тогда педучилище и неясно представлял себе будущность. Призыв в армию определил ее: Викулов направляется в Севастополь, в артиллерийское училище. Его дальнейшая фронтовая биография похожа на биографию многих его сверстников и товарищей по оружию. Перед победным маем сорок пятого года капитан Сергей Викулов командовал зенитной батареей, пройдя нелегкий путь от Волги до Дуная.

Не так-то просто было найти себя демобилизованному, награжденному орденами и медалями офицеру в первый послевоенный год. Он работает лаборантом, пишет заметки в местные газеты и одновременно заканчивает вологодский пединститут.

Его белозерским землякам тоже приходилось испытывать немалые тяготы и лишения. Не было ни одной семьи, в которую бы за войну не пришла похоронная. Не было ни одной деревни, в которой половина домов не стояла бы заколоченной. Но литературная традиция тех лет диктовала молодому поэту краски — розоватые, интонации — восторженные. И вот в первых сборниках С. Викулова шумят праздничные застольцы, мудрые деды гадают о светлом будущем, а кузнецы оглашают весенние дали звоном наковален. Короче говоря, С. Викулов следовал тем веяниям, которые распространялись в послевоенной литературе с удивительной быстротой, мало проявляя самостоятельности и желания как-то пойти наперевес этим легковесным веяниям и влияниям. Эту полосу стихотворного ученичества С. Викулов преодолел только с годами. С годами у него определился свой взгляд на события деревенской жизни, самобытные приемы, образы, интонации. Чем чаще он выезжает в дальние и ближние районы Вологодской области, чем пристальнее вглядывается в знакомые лица земля-

ков, вслушивается в их речи, тем требовательнее относится к своим новым замыслам.

Мера народной радости и боли — глубокая мера, и познать ее дано далеко не каждому. В этом смысле все поэты ходят у народа-языкотворца в подмастерьях. Быть дельным подмастерьем — большая честь для любого писателя. Именно этой чести и добивается С. Викулов.

Гордость за человека от земли, за сельского жителя — вот что вдохновляет Сергея Викулова. Его лучшие стихотворения и поэмы — «В метель», «Трудное счастье», «Преодоление», «Окнами на зарю» — многофигурные полотна современной северной деревни.

Эти поэмы учат читателей любви и уважению к тем теткам Аннам и дядям Егорам, которые являются собою духовный, нравственный цвет нашего народа. Поэт гордится своей земледельческой родословной.

...Я горд, — свидетельствую сам! —
что довожусь тому сословью сыном,
которое в истории России
не значится совсем по именам.

И через одну строфи:

Ничем себя возвысить не хочу.
Я только ветвь на дереве могу чум.
Шумят оно, когда клубятся тучи, —
и я шумлю...

Молчит — и я молчу.

Ошибки прошлых лет, грубое администрирование в решении сложнейших проблем развития сельского хозяйства отзывались прежде всего, остree всего и тяжелее всего на жителях села, на людях пашен и полей. Пафос творчества С. Викулова не в том, чтобы «размазывать» эти ошибки руководства или, наоборот, обходить их молчанием, не в том, чтобы быть «печальником» доли крестьянской, а в том, чтобы выразить, передать по мере сил и возможностей народное жизнелюбие и ту смекалистость, опытность, которых истары не занимать русскому земледельцу.

В лирической поэме «Окнами на зарю» имеется одна главка, которая вбирает в себя самые характерные интонации поэта, — и его раздумчивость, и пафосность, и наконец тот народный юмор, который слышится в речи автора поэмы. Поэт как будто бы говорит от себя, от своего имени, но он, при случае, охотно отдает предпочтение народной молве, гласу народному, отступая в сторону, воплощая в ткань художествен-

ного произведения декларацию о том, что он только «ветвь на дереве могучем». Вспоминая начало тридцатых годов, вспоминая отца, покинувшего деревню, поэт обращается к белозерским пашням и лугам, к родной земле:

Он ли, пахарь, тебя разлюбил, обленяясь,
Ты ль над ним вековую утратила власть,—
Неизвестно. Но ясно: какая-то жила
Между ним и тобой в ту весну порвалась.
Слишком много на эту не слабую жилу
Было в те времена удалого нахиму.
Кто картошку едал, все брались мужика
Просвещать, наставлять и толкать под
бока.

И пахать-то его обучали, и сеять,
Понукая при этом его, ротозея..,

Гордость за пахаря, за земледельца, неотделима у Сергея Викулова от чувства оскорбленной справедливости, от чувства обиды, когда он видит пренебрежение к опыту и знаниям земледельца, когда он видит неравное по сравнению с толпами «толкачей» и «знатоков» положение заглавной фигуры нашего государства — труженика-хлебороба. Учиться надо у народа, а не получать его, — вот сквозная мысль в стихотворениях и поэмах С. Викулова.

Поэт мечтает о том, чтобы в любом сельсовете, в любом глухом, медвежьем углу «плотинам, спутникам, ракетам жизнь соответственна была». С высоты этого идеала он и пишет о современной деревне.

С. Викулову, живущему в Вологде, чужда «периферийность», под которой понимается тематическая, образная замкнутость писателя в пределах его области, его края. Не без иронии поэт передает сетования иных доброхотов:

А мне порой дружки-приятели
Толкуют с видом прорицателей:
Мол, пропадешь ты ни за грош,
Поскольку в Вологде живешы!
И добавляют саркастически:
Мол, в наше время — вен иной! —
Талант не так уж поэтический
Необходим,
Как пробивной...

Ничего не скажешь, в этих сетованиях и пожеланиях есть доля истины, и далеко не всем художникам, живущим на периферии, удается преодолеть внутреннюю скованность, робость как в разработке тем современности, так и в «устройстве» своих, может быть, незаурядных творений. С. Викулову в этом смысле повезло. Как Василия Белова, Александра Романова, Ольгу Фокину, Аркадия Сухарева, Николая Угловского, литературоведа Виктора Гуру и других

писателей-вологжан, его охотно привечают центральные издательства и журналы.

Но Сергей Викулов не утратил ни скромности, ни взыскательного отношения к себе. Даже больше — поэт ясно осознает, что его подчас медлительные и уж, конечно, немодные размышления о судьбах сельской общины, его деревенские истории интересны не всякому читателю.

Да простится ему доля самоуничтожения в оценке собственного творчества, но в основном поэт безусловно прав: не взирая на то, что мы зовем всеобщим признанием, шумной славой, он много лет идет своей дорогой, идет, «ведомый жаждой к поиску и добрым чувством к мужику». Здесь полно выражена нравственная основа поэзии С. Викулова, определено его творческое кредо. Это не широковещательная декларация, к которым мы привыкли, которых немало появляется в наши дни, это — линия жизни, ее главный смысл и ее содержание. Эта раз и навсегда выбранная линия жизни заставляет поэта не только без устали колесить по деревням Северо-Востока, собирать фактический материал, изучать экономику колхозов, писать очерки, искать встреч с интересными людьми, вслушиваться в людские думы о земле, о хлебе, о мире и войне, но и подолгу работать над каждой новой поэмой, менять замысел, искать сюжет, ошибаться и открывать новое, не доступное поверхностному взгляду. Быть предельно достоверным — вот цель этой поэтической страды. Чтобы достичь этой цели, Сергею Викулову приходится вести спор с самим собой, со своими прежними выводами и обобщениями, постоянно отвергать ту половину общих и громких фраз, которая крутится над сельскими токами.

Но Сергея Викулова нельзя отнести к разряду бытописателей села, потому что в его произведениях живет сама поэзия, в них влит тот «сердечный пламень», который изнутри освещает, казалось бы, самые простые, будничные вещи и судьбы людей.

Трудолюбиво прокладывает Сергей Викулов борозды на необозримой ниве современной литературы, и эта его работа, именно работа с округлым вологодским «о», даст, не может не дать в будущем достойных его трудолюбия и самобытного таланта всходов.